

Священник Евгений Мерцалов

ОТ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО ИЕРУСАЛИМА И ОБРАТНО

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
И ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАЛОМНИКА

издание
ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

священник Евгений Мерцалов

**От Петрозаводска до Иерусалима
и обратно. Путевые заметки
и впечатления паломника**

«Индрик»

2014

УДК 94(569.4)
ББК 63(3)

Мерцалов с.

От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника / с. Мерцалов — «Индрик», 2014

Путешествие священника Евгения Мерцалова (1857–1920), впоследствии епископа Олонецкого и Петрозаводского, в Святую Землю состоялось в 1899 г. Дневниковые записи были переработаны автором и опубликованы в журнальном и книжном вариантах, встретив сочувствие и интерес читающей публики, главным образом в российской провинции. В настоящее время труд епископа Евгения (Мерцалова) представляет интерес для изучения русского присутствия в Палестине в начале XX столетия, русского паломничества и деятельности Императорского Православного Палестинского Общества как в России, так и на Ближнем Востоке. Повествование передает эмоциональные впечатления очевидца живым образным языком и будет интересно для всех, кто интересуется историей русского религиозного паломничества и Православия на Востоке.

УДК 94(569.4)
ББК 63(3)

© Мерцалов с., 2014
© Индрик, 2014

Содержание

Предисловие	7
Предисловие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Священник Евгений Мерцалов От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника

Императорское Православное Палестинское Общество

Публикация осуществляется в рамках книгоиздательской и научной деятельности Императорского Православного Палестинского Общества

Епископ
Евгений (Мерцалов)

Предисловие

Автор паломнического дневника «От Петрозаводска до Иерусалима» Евгений Александрович Мерцалов родился 6 марта 1857 г. в Тульской губернии в семье диакона. После окончания Тульской духовной семинарии в 1878 г. он был направлен на работу в духовное училище в Ефремов – небольшой уездный городок Тульской губернии. Здесь он проработал около пяти лет; сначала служил надзирателем, в функции которого входил контроль за успеваемостью и поведением учащихся, а с 1880 г. – учителем чистописания, которое в программе этих учебных заведений не относилось к самым главным предметам. 1 октября 1883 г. Е.А. Мерцалов был рукоположен в сан священника. Будучи простым сельским батюшкой, он окормлял крестьян в селе Березовец Новосильского уезда той же Тульской губернии (в настоящее время – Залегощенский район Орловской области), исполнял обязанности законоучителя местной школы. В это же время он женился, но довольно скоро овдовел.

В 1889 г. стремление к знаниям привело отца Евгения в Московскую духовную академию. Учеба в ней затянулась, т. к. в 1892–1894 гг. он вынужден был взять отпуск по болезни. Выпускники академий в России обычно направлялись на педагогическую работу в духовные семинарии. Так произошло и с о. Евгением, который со степенью кандидата богословия окончил в 1895 г. академию и в 1896 г. был определен начальством в Олонецкую духовную семинарию. Это среднее учебное заведение находилось в городе Петрозаводске, который являлся центром епархии, называвшейся Олонецкой по названию небольшого старинного городка Олонец.

С самого начала работы в этом учебном заведении о. Евгений преподавал основное, догматическое и нравственное богословие, а с 1897 г. – еще и древнееврейский язык. Первое время служба в семинарии складывалась очень непросто. Ректор этого учебного заведения архимандрит Стефан отличался очень тяжелым характером, многие преподаватели при нем были вынуждены уйти из учебного заведения. К счастью, ректорство Стефана было непродолжительным, вскоре Олонецкую семинарию возглавил архимандрит Нафанаил, с которым у о. Евгения наладилось плодотворное сотрудничество. Он вошел в комиссию по выработке программы духовно-нравственных чтений и сам в них активно участвовал. В зимнем сезоне 1900–1901 гг. Евгений Мерцалов 19 раз выступал перед широкой аудиторией губернского центра – больше, чем кто-либо другой. Также он стал казначеем попечительства для оказания помощи «недостаточным» семинаристам. Эта благотворительная организация, открывшаяся в 1898 г., материально поддерживала учащихся из бедных семей. Должность казначея о. Евгений исполнял также в епархиальном комитете Православного Миссионерского общества.

Именно пребывая в должности преподавателя Олонецкой семинарии, Евгений Мерцалов совершил паломничество в Святую Землю, описанное в его дневнике, который держит в руках читатель. В дальнейшем его служебная карьера складывалась удачно, в 1901 г. он был назначен инспектором семинарии, т. е. стал вторым человеком после ректора в этом учебном заведении. Для дальнейшего продвижения по службе необходим был переход из белого духовенства в черное, и 22 декабря 1901 г. отец инспектор принял монашеский постриг с сохранением прежнего имени. В 1902 г. он был назначен ректором Олонецкой духовной семинарии, почти сразу же после этого епископ Олонецкий и Петрозаводский Анастасий (Опоцкий) возвел его в сан архимандрита. Помимо всего прочего, отцу Евгению было поручено редактировать местный церковный официоз «Олонецкие епархиальные ведомости», чем он и занимался в 1902–1903 гг.

В 1903 г. о. Евгений был переведен в Тверь на должность ректора местной духовной семинарии, численность учащихся которой была в несколько раз больше, чем в соответствующем образовательном учреждении Петрозаводска. Практически одновременно он стал цензором «Тверских епархиальных ведомостей», членом совета Тверского епархиального исто-

рико-археологического комитета, а с декабря 1906 г. – членом епархиальной комиссии по составлению и изданию историко-статистического описания Тверской епархии. Таким образом, новый отец ректор принимал активное участие в развитии церковного и светского краеведения, которым в начале XX в. увлекались многие представители просвещенного провинциального духовенства. Его плодотворная и многогранная деятельность была отмечена несколькими светскими наградами, которые государство давало представителям духовенства. В 1904 г. о. Евгений получил орден Анны 2-й степени, а в 1907 г. – орден Владимира 4-й степени.

Следующей логичной ступенью духовной карьеры о. Евгения был переход его в епископат Русской Православной Церкви. 23 ноября 1907 г. император Николай II утвердил доклад Святейшего Синода «Об учреждении во Владимирской епархии на местные средства кафедры второго викарного епископа, с присвоением ему именованья Муромский и с переименованием первого викария в епископа Юрьевского и о бытии ректору Тверской духовной семинарии архимандриту Евгению епископом Муромским». Поставление Евгения Мерцалова во епископа Муромского состоялось в столице 16 декабря 1907 г. Чин хиротонии в Троицком соборе Александро-Невской лавры возглавлял митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский). В качестве постоянного местопребывания новому владыке был отведен Спасский монастырь в городе Муроме – одна из самых древних русских обителей.

Епископ прибыл к новому месту своего служения 31 декабря 1907 г. На железнодорожном вокзале его торжественно встречало муромское духовенство и руководители местного самоуправления во главе с городским головой И.П. Мяздриковым. После встречи владыка проехал в Богородице-Рождественский собор, где приложился к местным иконам и мощам святых благоверных Петра и Февронии – широко известных и чтимых святых земли Муромской.

Через неделю 8 января 1908 г. епископ Евгений на поезде направился во Владимир для того, чтобы встретиться со своим непосредственным начальником – епархиальным владыкой. Здесь была определена сфера служебных обязанностей нового викарного епископа. Он стал руководить церковной жизнью в четырех восточных уездах Владимирской губернии – Муромском, Меленковском, Судогодском и Гороховецком. Епископ Евгений стал хорошо известен клирикам и другим уездов Владимирской губернии, т. к. на него было возложено руководство миссионерской работой в масштабах всей епархии. Во Владимире владыка Евгений встречался со священниками, которые специально занимались миссионерской работой, противодействуя старообрядцам и сектантам. Также епископ Муромский стал председателем Владимирского епархиального училищного совета, т. е. стал непосредственно руководить сотнями церковно-приходских школ, действовавших в пределах губернии. Вдобавок епископ одновременно являлся настоятелем Муромского Спасского монастыря, где находилась его резиденция.

Важным событием во время муромского периода служения Евгения Мерцалова стала его поездка в Тверскую губернию и участие в прославлении святой благоверной княгини Анны Кашинской – супруги широко известного патриота земли русской, св. князя Михаила Тверского. Эта замечательная женщина еще в XVII в. была причислена к лику святых, но по ряду субъективных обстоятельств почитание ее было приостановлено через несколько десятилетий. По ходатайству Святейшего Синода император Николай II дал согласие на вторичную канонизацию, днем торжественного почитания св. Анны Кашинской было определено 12 июня. Муромский епископ Евгений прибыл в Кашин 10 июня 1909 г. в числе владык, собравшихся на это духовное торжество из других губерний. Он участвовал в коллективных архиерейских богослужениях в храмах этого небольшого тверского городка. Там же он познакомился с прибывшей на прославление Анны Кашинской великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая в то время возглавляла Императорское Православное Палестинское Общество. Попутно отметим, что в изданном до революции отчете об участии великой княгини в чине прославления

ния Анны Кашинской епископ Евгений ошибочно назван по своей мирской фамилии не Мерцаловым, а Бережковым.

За время служения в Муроме епископ Евгений ярко проявил себя как церковный писатель и исследователь. Еще во время своей учебы в Московской духовной академии он написал диссертацию на соискание степени кандидата богословия по теме «Святой Григорий Нисский как панегирист». В 1910 г. в Муроме вышла его книга «Как совершалась канонизация святых в первое время существования русской церкви». Епископа заинтересовала также местная агеографическая тематика. В том же 1910 году в Муроме была опубликована еще одна книга – «О церковном прославлении и почитании св. благоверной Иулиании Лазаревской». Одновременно в Петербурге увидела свет его же брошюра «Житие и служба св. праведной Иулиании Лазаревской». «Героиней» двух последних публикаций стала женщина, прославившаяся своей благочестивой жизнью и благотворительностью. Она продала все свое имущество для того, чтобы накормить неимущих во время катастрофического по масштабам голода, случившегося в России в царствование Бориса Годунова.

Четыре с половиной года епископ Евгений прослужил на муромской кафедре. Он пользовался заслуженной любовью и уважением духовенства и мирян города Муром, а также соседних уездов, которые входили в сферу его деятельности, был награжден во время службы в Муроме орденом

Владимира 3-й степени. Однако по указу церковных властей от 14 июня 1912 г. епископ Евгений был перемещен в епархиальный центр с переименованием его во епископа Юрьевского. Это было повышение по службе, т. к. во Владимирской епархии епископ Муромский являлся вторым викарием, а епископ Юрьевский – первым.

Юрьевским владыкой Евгений Мерцалов служил с 1912 по 1919 г. К сожалению, об этом периоде его жизни и деятельности известно очень немного. За это время он был отмечен еще одной высокой светской наградой – орденом Анны 1-й степени.

Февральская революция 1917 г. привела к существенным изменениям в системе управления Русской Православной Церковью, в частности была ограничена власть епархиальных владык, одновременно их стали не назначать сверху, а выбирать. Духовенство Владимирской епархии в мае 1917 г. выразило недоверие архиепископу Алексию (Дородницыну), сословный съезд принял решение о передаче власти в епархии старшему викарию, т. е. епископу Евгению. Он начал официально исполнять эти обязанности после того как по этому вопросу 18 мая 1917 г. состоялось решение Синода.

Также Святейший Синод благословил проведение епархиального съезда духовенства и мирян для замещения Владимирской архиерейской кафедры. Острые политические события, происходившие в стране в это время, позволили созвать полноценный съезд для выборов нового владыки только в августе 1917 г. На предварительном голосовании, состоявшемся в ходе заседаний съезда 8 августа, епископ Евгений занял третье место, получив 84 голоса, и вместе с другими двумя кандидатами вышел во «второй тур». 9 августа в Успенском соборе г. Владимира состоялось окончательное голосование. Епископ Евгений, набрав всего 29 голосов, снова занял третье место. На втором оказался протоиерей Тимофей Налимов, главой же Владимирской кафедры стал архиепископ Сергей (Старгородский), впоследствии – митрополит, местоблюститель патриаршего престола, а в 1943–1944 гг. – Патриарх Всея Руси. Он получил именование архиепископа Владимирского и Шуйского. Вскоре Сергей утвердил распределение дел между викариями, в результате чего епископу Евгению было поручено назначать духовенство на священнические должности в Юрьевском и Покровском уездах. Также в его непосредственное ведение поступили духовное училище и женское епархиальное училище во Владимире. Резиденцией Евгения как первого викария епархии являлся архиерейский дом. Но когда это помещение заняла губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволю-

цией, саботажем и бандитизмом (ЧК), владыка был вынужден перебраться в Боголюбовский монастырь, находившийся за несколько верст от Владимира.

В это время на севере европейской территории России для местных структур Русской Православной Церкви сложилась очень непростая обстановка. В 1918 г. Олонецкая епархия осталась без архиерея, т. к. епископ Иоанникий самовольно покинул место служения, перебрался в Петроград и отказывался ехать обратно в Петрозаводск. Патриарх Всея Руси Тихон в ноябре 1919 г. назначил в вынужденно вдовствующую епархию епископа Евгения (Мерцалова). На территории, вверенной его попечению, в это время шла гражданская война: с севера, от Архангельска против большевиков наступали войска белого генерала Миллера. Из-за острой политической обстановки, складывавшейся в стране, процедура выборов нового епископа не состоялась. Владыка Евгений получил новое назначение административным порядком, по решению предстоятеля Русской Православной Церкви.

В Петрозаводске на нового владыку свалилось очень много проблем. Ему пришлось изыскивать средства на выплату жалования священнослужителям, решать вопросы о преподавании Закона Божия детям, т. к. этот предмет был изгнан из школы в результате известных декретов Советской власти об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Трудно стало поддерживать в должном благолепии три собора епархиального центра – кафедральный, Воскресенский и Петропавловский. Из-за нехватки дров на зимний сезон пришлось закрыть главный собор Петрозаводска.

Епископ Евгений управлял хорошо знакомой ему Олонецкой епархией менее года. Он скончался 7 мая 1920 г. в своем доме на Соборной площади от кровоизлияния в мозг. Тело его было погребено за алтарем нового кафедрального собора, который в 1930 г. был закрыт, а в 1936 г. разрушен. Есть также версия, что владыка погиб насильственной смертью, будучи убит большевиками.

* * *

Путешествие в Святую Землю Евгений Мерцалов совершил летом 1899 г. В ходе паломничества он вел дневник. Не вызывает сомнений, что беглые подневные записи, сделанные в пути, были в дальнейшем поправлены, существенно расширены и литературно обработаны. Тем не менее, этот источник личного происхождения имеет формальные признаки дневника, т. к. записи структурированы по дням. К сожалению, текст не разбит на абзацы, и это усложняет восприятие содержания. Дневник состоит из четырех разделов. Первый из них под названием «Предисловие» повествует о том, как у автора возникла идея паломничества, о своем пребывании на пути за границу в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и о плавании по Черному морю. Во втором разделе «Константинополь и его предместья» автор очень подробно рассказывает о христианских и мусульманских достопримечательностях турецкой столицы. Третий раздел под названием «До Иерусалима» описывает плавание по Мраморному, Эгейскому и Средиземному морям, остановки на различных островах, в Смирне (Измире), в ливанских портах Триполи и Бейруте, а также прибытие в Яффу и путешествие по железной дороге до Иерусалима. В четвертом разделе «Иерусалим и его окрестности» говорится о путешествии по святым местам Палестины.

Паломничество в Святую Землю совершали многие, но лишь единицы воспроизводили на бумаге свои впечатления от поездки. Еще меньше мемуаристов описывали свое путешествие столь подробно и с таким глубоким знанием исторических реалий, как это сделал о. Евгений Мерцалов. Возможно, одной из причин, побуждавших паломников браться за перо, было стремление еще раз испытать благоговение перед увиденными ими сакрализированными объектами и желание «поделиться» частичкой полученной благодати с читателями.

Публикация дневника Евгения Мерцалова в местном периодическом издании «Олонецкие епархиальные ведомости» началась через несколько месяцев после возвращения с Ближнего Востока, в конце 1899 г. Отдельные небольшие фрагменты дневника (по несколько страниц) достаточно часто появлялись в местном церковном офицье в 1900 и 1901 гг. Но в 1902 г. здесь было напечатано всего несколько фрагментов дневника, а в дальнейшем его публикация была прекращена. К сожалению, за рамками опубликованного текста оказались последние дни пребывания о. Евгения в Святой Земле и возвращение его домой. Как нам представляется, причиной этого стало назначение в 1901 г. о. Евгения Мерцалова на многотрудную должность инспектора Олонецкой духовной семинарии, а в дальнейшем, в 1902 г. – на должность ректора этого учебного заведения. В результате служебных обязанностей у него стало значительно больше, и ему так и не удалось закончить публикацию дневника.

Как видно, последний вызвал большой интерес у читателей. Поэтому в 1900 г. он был напечатан в Петрозаводске без выходных данных отдельными оттисками в двух выпусках. Первый назывался «До Иерусалима», второй – «Святой град Иерусалим и его окрестности».

Отец Евгений стремился сделать свои паломнические впечатления достоянием максимально широкой слушательской и читательской аудитории. Поэтому он рассказывал о своем путешествии на Ближний Восток на религиозно-нравственных чтениях, регулярно проводившихся в Петрозаводске в зимний сезон. Также он старался поделиться впечатлениями со своими коллегами по Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Известно, что 27 декабря 1900 г. и 19 мая 1902 г. он выступал на общих собраниях Олонецкого отдела ИППО с рассказами об отдельных эпизодах своей паломнической поездки. Эти выступления с краткими названиями «Горняя» и «Вифлеем» были опубликованы в качестве самостоятельных очерков в «Олонецких епархиальных ведомостях».

В дальнейшем, после перевода на службу во Владимирскую епархию, епископ Евгений также старался популяризировать среди своей паствы личные палестинские впечатления. При этом он сумел использовать свой «административный ресурс», выпустив отдельные паломнические очерки в качестве отдельных брошюр в городе Муроме, который был центром его викариатства. В частности, в 1909 г. здесь вышли три его брошюры: «Гефсиманская весь и Вифания», «Горняя», «Иордан и Мертвое море», а в 1910 г. увидела свет в Муроме брошюра под названием «Вифлеем». Не вызывает сомнения, что эти книжки использовались в ходе так называемых Палестинских чтений, которые в начале XX в. широко практиковало ИППО, и в том числе его Владимирский отдел, среди местного населения.

Текст дневника написан живым и доходчивым русским языком. Не лишены подлинной художественности описания красот природы в Константинополе, Ливане и Палестине. В подтверждение сказанного приведем помещенное в дневнике описание города Бейрута: «Высокие дома с плоскими крышами, постепенно понижаясь, спускались амфитеатром почти к самой воде, над ними выделяется несколько христианских храмов, а левее, тотчас же за городом, раскинулись роскошные сады, за которыми величаво высится хребет Ливана диадемой снегов на царственных вершинах. Пинии и кедры одели его подножие и, как передовая рать лесных полчищ, спустились, надвигаясь, к самому взморью».

Устаревшие и церковнославянские слова и обороты в тексте встречаются очень редко. Таким образом, этот источник личного происхождения был предназначен для самой широкой читательской аудитории. Правда, в тексте иногда встречаются небольшие отрывки на греческом языке, которые в большинстве случаев снабжены переводом на русский. В сносках поясняются незнакомые для массового читателя слова и содержатся ссылки на издания, которые автор использовал при научной и литературной доработке дневника.

* * *

Любое паломничество, совершается оно в ближайший монастырь или же в Святую Землю – это путешествие. Но перемещаться из точки А в точку Б можно по-разному. Ю.М. Лотман считал, что есть два типа путешественников: просто «идуший» является наблюдателем окружающего его мира, а «пилигрим» стремится к духовному идеалу. Первый путник перемещается в видимом пространстве и по горизонтали, второй – по вертикали, от земного к небесному, от профанного к сакральному.

Побудительным толчком для поездки Мерцалова в Палестину стала увиденная им в газете заметка о том, что в Палестину собирается группа гимназистов из Казани, руководителем которой являлся один из их педагогов Н.К. Горталов (он часто упоминается на страницах дневника под буквами Н.К.). Отец Евгений решил примкнуть к ним. С одной стороны, это имело положительные последствия, т. к. Горталов ехал на Ближний Восток не в первый раз, и все путешествие, в том числе в мелких его деталях, было хорошо организовано. С другой стороны, о. Евгений не раз испытывал в компании этой мирской публики внутренний дискомфорт, т. к. гимназисты и их руководитель явно относились к вышеназванной категории «идуших», а о. Евгений, естественно, направлялся в Святую Землю как «пилигрим». В тексте автор дневника несколько раз упоминает о том, что он пожалел о своем присоединении к компании шумных гимназистов, которые были большими любителями песен, а пели они, естественно, не псалмы и не канты.

Дневник Е.А. Мерцалова вполне мог служить путеводителем для последующих поколений паломников. В нем даются краткие и внятные сведения о том, как получить паломническую книжку, оформить заграничный паспорт, как и за какую плату можно нанять экипаж для путешествий в Иерусалиме и т. п. Автор рекомендует тем, кто подумывает о поездке к святым местам, прочесть популярные книги о Палестине и ее священных достопримечательностях. Особенно настоятельно он советует познакомиться с брошюрой Василия Николаевича Хитрово «К животворящему Гробу Господню», называя его «высокопросвещенным автором».

Дневник выдает близкое знакомство автора с мемуарами его предшественников и с научными публикациями, посвященными истории и географии

Ближнего Востока. Это книги А. Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 году», Д. Смышляева «Синай и Палестина. Из путевых заметок», Б. Коржневского «По Востоку», А. Лебедева «Неделя в Константинополе» и др. Подстрочные сноски на них часто встречаются в дневнике о. Евгения.

На читателя производит большое впечатление эрудиция автора. Он не только читал источники, научную и популярную литературу о Востоке, но и прекрасно разбирается в иконописи, фресковой живописи, мозаичном искусстве, архитектуре. Его личные впечатления от Константинополя, Иерусалима или других городов сопровождаются развернутыми справками об истории этих городов. В книге даны также профессионально составленные географические очерки, например, о Мертвом море и реке Иордан. На страницах дневника о. Евгений вступает в заочный спор с исследователями, точка зрения которых представляется ему ошибочной. Например, он критикует мнение английского исследователя Гордона о месте расположения горы Голгофы.

Даже при внимательном чтении дневника мы обнаружили в его тексте только две фактические ошибки. Автор говорит, что в 911 г. Царьград был осажден восточными славянами, которых возглавляли Аскольд и Дир. На самом деле в этом году осаждал Константинополь киевский князь Олег, прозванный Вещим. В другом случае Саронская долина около Яффы названа Сарокской. Впрочем, вполне возможно, что в этой опечатке виноват не автор, а наборщики типографии, в которой печатались «Олонецкие епархиальные ведомости».

Результатом любого путешествия, будь то обычная туристическая поездка или же паломничество, являются вынесенные из путешествия впечатления, как положительные, так и отрицательные. Рассмотрим на основе текста дневника те впечатления, которые получил о. Евгений от своей поездки в Святую Землю. Начнем с положительных...

Самой главной целью любого христианского паломника, направляющегося в Палестину, является поклонение святым местам, связанным с земной жизнью Спасителя, Божией Матери, апостолов и целого ряда святых подвижников. Посещением этих мест было занято у поклонников почти все время, свободное от сна. График путешествий был настолько плотным, что порой они ложились спать ближе к полуночи, а около четырех часов утра приходилось вставать для того, чтобы отправиться в новую поездку. О том, что именно так происходило не только с о. Евгением Мерцаловым, свидетельствуют мемуары, дневники и письма его современников, совершивших аналогичные паломничества.

Русские поклонники, отправлявшиеся из Одессы в Святую Землю или на Афон, обязательно останавливались на пару дней в Константинополе, где для православного человека было много духовно притягательных мест. В частности, о. Евгений подробно повествует о посещении храма св. Софии, «Живоносного источника» Балуклы и Влахернской церкви.

Что касается Палестины, то для прибывших сюда паломников предлагался достаточно традиционный набор «экскурсий» в самом Иерусалиме, а также однодневных или двухдневных выездов в его окрестности, связанных с событиями священной истории. Е.А. Мерцалов и его спутники не один раз побывали в главной иерусалимской святыне – храме Гроба Господня, в том числе участвовали во всенощной, прошли по так называемому Страстному пути. Они побывали на «Русском месте», где был обнаружен в результате археологических раскопок порог Судных врат, через которые вели Спасителя на Голгофу. Поездки за пределы Иерусалима были совершены на Елеонскую гору, на Мертвое море и реку Иордан, в монастырь Георгия Хозевита, ко гробу Богородицы, в Вифлеем, Вифанию и Горнию.

Нельзя сказать, что все время пребывания на Ближнем Востоке было посвящено путешествиям только по местам священных воспоминаний. Паломники также посетили русскую больницу в Иерусалиме, педагогическую семинарию Палестинского Общества в Бейт-Джале, русские школы в Бейруте и Триполи.

Значительными событиями во время паломничества стали встречи с иерархами Восточнохристианских Церквей. В Константинополе о. Евгений со своими спутниками посетил резиденцию Вселенского Патриарха, но встретиться со святейшим не удалось, не было получено и патриаршее благословение на участие русского священника в богослужении в цареградских храмах (это сослужение с цареградским духовенством воспринималось как очень престижное).

Совершенно по-иному сложилась ситуация в ливанском Бейруте, который паломники посетили по дороге в Палестину. Митрополит Бейрутский Гавриил принял русских паломников ласково и запросто. Беседа с ним шла без переводчика, т. к. иерарх знал русский язык и постоянно извинялся, что владеет им недостаточно хорошо. Он несколько раз повторил, что очень рад своим единоверцам, приехавшим с севера, очень любит русских и Россию.

Самым высокопоставленным духовным лицом, с которым паломникам удалось побеседовать, стал Патриарх Иерусалимский Дамиан. Во встрече с ним участвовал русский генеральный консул А.Г. Яковлев. Святейший охотно дал о. Евгению разрешение на участие в богослужении в храме Гроба Господня. Автор дневника приводит текст этого документа на греческом языке. Русских, участвовавших во встрече с Дамианом, немало поразило то, что Патриарху было всего около 40 лет (!) В России представители духовенства становились епископами чаще всего в гораздо более почтенном возрасте.

Из паломнической поездки было принято привозить подарки. Покупка религиозных сувениров превращалась в приятную обязанность, крестики, образки и другие вещи закупались сразу в нескольких экземплярах не только для себя, но и для родных, знакомых, сослу-

живцев. Паломники заранее знали, что все это лучше приобретать в Вифлееме, многие жители которого занимались изготовлением мелких богослужебных вещей как промыслом. Здесь эти мелочи стоили дешевле, чем в Иерусалиме. Автор дневника также не преминул, купаясь в Иордане, набрать из святой реки воды в пузырек.

Большую радость приносили на чужбине небольшие островки родной земли. Встречались они даже чаще, чем первоначально предполагали паломники, провожая глазами родной берег при отплытии из Одессы. Уже в Константинополе их приютили русские монахи на подворье одного из афонских монастырей, причем таких подворий в бывшей византийской столице было несколько. Афонские иноки заботились не только о том, чтобы русские поклонники-«транзитеры» имели кров над головой и пищу, но и служили проводниками по религиозным достопримечательностям Константинополя.

В Палестине о. Евгений помимо своих спутников по паломничеству, постоянно общался на подворьях Палестинского Общества с другими россиянами. Помимо подворий и так называемого «Русского дома» ему доводилось постоянно сталкиваться со зримыми следами российского присутствия в Палестине. Например, на священной горе Елеон он осмотрел храм св. Марии Магдалины, построенный на средства, пожертвованные императрицей Марией Александровной и ее сыновьями – великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами.

С особым почтением отзывается о. Евгений об архимандрите Антонине (Капустине), который долгое время возглавлял Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, приобрел для нее целый ряд участков в Палестине, основал несколько важных духовных и светских учреждений в Святой Земле. Посетив могилу о. Антонина, Е.А. Мерцалов называет его «трудником земли русской» и так характеризует его многогранную и многотрудную деятельность: «Один, без поддержки, почти без средств, целых 30 лет, отбиваясь от врагов и лжебратий, держал он высоко русское знамя и ему Россия обязана, что за 30 лет она не только не сделала во Св. Земле шага назад, но быть может не один, а несколько вперед!»

Немало радостных минут доставило о. Евгению и его спутникам посещение русских школ на Ближнем Востоке – в Бейт-Джале, Бейруте и Триполи. Здесь их гостеприимно принимали русские учительницы, о просветительной миссии которых автором сказаны теплые прочувствованные слова. Отец Евгений беседовал с этими девушками – энтузиастками своего дела, они рассказывали ему об особенностях обучения арабских детей, о своем жаловании и... о тоске по родине.

Русские паломники испытали в русских школах Ливана и Палестины моральное удовлетворение и прилив патриотизма, когда обнаружили на самых видных местах не только портреты турецкого султана, но и русского императора с императрицей, а также текст национального гимна «Боже, царя храни». В приемной Патриарха Иерусалимского помимо этого находились портреты председателей Императорского Православного Палестинского Общества – великокняжеской четы Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны.

Отличительной особенностью мемуаров Евгения Мерцалова является то, что в них подробно сказано о деятельности Императорского Православного Палестинского Общества по организации православного паломничества к святыням Палестины.

Уже в первом разделе дневника говорится об общении автора с функционерами Палестинского Общества в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Здесь же автор подробно объясняет читателям, в числе которых находились и потенциальные паломники, чем будет выгодна для них в материальном и организационном плане покупка паломнической книжки ИППО.

В последней части дневника идет речь о размещении прибывших паломников в зданиях русских подворий, выстроенных благодаря Палестинскому Обществу. Здесь же автор свидетельствует о традициях, сложившихся благодаря ИППО в процедуре приема вновь прибывших паломников: сначала следовал благодарственный молебен на «Русских постройках», затем раз-

мещение по подворьям, трапеза и в конце дня – помывка в настоящей русской бане, которая была столь необходима после длительного пути.

Из аннотированного указателя имен в конце этой книги видно, что чаще всего упоминаемый в дневнике персонаж – это не какой-либо христианский иерарх, дипломат или известный исторический деятель, а кавас Палестинского общества Марко Джурич. Кавасами назывались служащие ИППО, которые выполняли обязанности охранников, проводников и экскурсоводов для групп паломников, прибывавших в Святую Землю. Среди нескольких кавасов, находившихся на службе у Палестинского Общества, старшим был Марко, который ежедневно и ежечасно охранял и водил по святым местам ту группу, в которую входил Евгений Мерцалов. Кавас охранял русских поклонников от пустынных разбойников, от мошенников, готовых обобрать простодушных богомольцев, от пристававших к ним нищих и от мздоимства различной мелкой чиновничьей сошки.

Если сравнить дневник о. Евгения с другими паломническими источниками личного происхождения, то последние уделяют до обидного мало внимания многогранной работе ИППО. При чтении их остается стойкое впечатление, что подворья, где жили паломники, были построены сами собой, группы поклонников, отправлявшихся в Назарет, Вифлеем или на Мертвое море, формировались как бы стихийно, а кавасы сопровождали паломников по своей собственной инициативе, хотя все это и многое другое было организовано совершенно определенной общественной структурой – Императорским Православным Палестинским Обществом. Попутно отметим, что если найти все (или почти все) печатавшиеся на рубеже XIX и XX вв. мемуары, дневники и письма паломников, то в комплексе они составят очень содержательный корпус источников по истории Палестинского Общества.

Теперь перейдем к отрицательным впечатлениям, которых у православного паломника на Востоке также скапливалось немало.

Первое из них ждало отправлявшихся на поклонение Гробу Господню уже в Константинополе, где они обязательно посещали храм св. Софии. Эта христианская святыня была превращена в мечеть после завоевания турками столицы Византийской империи, и вход в нее для «неверных» обставлялся некоторыми неудобствами, а временами был просто закрыт. Аналогичное чувство скорби охватывало автора, когда он посещал другие доставшиеся мусульманам христианские храмы, как в Константинополе, так и в Святой Земле. Сквозь строки дневника можно прочесть невысказанный вслух вопрос «Доколе Господь попускает?» Невеселые мысли посетили автора также тогда, когда он увидел, что турецкие солдаты несут охрану храма Гроба Господня в Иерусалиме и пещеры в Вифлееме, где появился на свет Спаситель. На этот раз в дневнике открыто задается вопрос: «Отчего бы, в самом деле, в храме не иметь сторожей из христиан?»

Не менее серьезное огорчение, которое испытал автор при посещении святых мест, было вызвано тем небрежением, в котором они содержались. Отцу Евгению сразу же бросилось в глаза то, что в величайшей общехристианской святыне – храме Гроба Господня украшения потрескались, карниз обвалился, везде много пыли. Пещера четверодневного Лазаря, воскресшего Иисусом Христом, также содержалась неопрятно – мрамор на украшениях почернел, а в углах скопился мусор.

Скорее не огорчение, а разочарование паломник испытал при неоднократном посещении в Палестине православного богослужения по греческому обряду. Сначала он обратил внимание на то, что некоторые богослужебные предметы (например, дикирий и трикирий) у греков устроены не так, как в Русской Православной Церкви. Затем оказалось, что митрополит, правивший всенощную в храме Гроба Господня, не имел таких обычных для русской архиерейской службы помощников как книгодержец, жезлодержец и иподиаконы. Но дело было даже не в этих обрядовых различиях, а в общем настрое греческого духовенства, которое отправляло службу без благолепия и торжественности, характерных для России. Автор приводит выска-

звания разочарованных русских паломников, удалявшихся их храма Гроба Господня после всенощной: «Эх, если бы нашего архиерея сюда, совсем не то было бы!»

В тексте дневника постоянно незримо присутствует обобщенная категория «другого» или «чужого», которое противостоит автору и его соотечественникам, вызывая неприятие и даже отторжение. Такого рода чувства нередко охватывали русских паломников уже во время двухдневного пребывания в турецкой столице, улицы которой раздражали русских обилием нечистот и стаями бездомных собак. Аналогичные чувства испытывали путешественники в вагоне поезда, направлявшегося из Яффы в Иерусалим. Попадавшие по дороге жилища местного населения напоминали им хлева для домашнего скота. Паломники, давно готовившиеся к встрече со святыми местами, в Иерусалиме были неприятно поражены разноязычным гомоном толп народа на улицах, выкриками разносчиков, постоянно встречавшимися караванами верблюдов и ослов с различной кладью. Эта суэта совсем не гармонировала со званием «святого града», которое носил Иерусалим.

Понятие «чужого» возникает и при описании автором иудейской святыни – Стены плача в Иерусалиме. С одной стороны, в словах автора сквозит сочувствие нелегкой судьбе еврейского народа, с другой стороны, он убежден, что иудеи сами виноваты в своих несчастьях, т. к., давно ожидая мессию, не сумели увидеть его в Иисусе Христе.

Настоящий шок паломники испытали при встрече с прокаженными, которые назойливо просили у них милостыню и даже пытались хватать их за одежду и руки. Только расторопный кавас Палестинского Общества сумел отогнать этих опасных людей, о болезни которых русские уже наслушались много страшного.

Негативные впечатления остались у паломников от тех многочисленных нестроений, которые возникали среди христиан разных исповеданий. Упоминая о святых местах Палестины, автор дневника часто указывает, кому они принадлежали – православным, католикам или армянам, иногда – совместно первым, вторым и третьим. Распри этих конфессий приводили к тому, что представители их не могли договориться о совместном ремонте храма Гроба Господня или иных святынь. Е.А. Мерцалов подчеркивает, что особенно много препятствий восточным христианам – грекам и русским, чинили католики или, как он их часто называет, «латиняне».

Как оказалось, турецкий часовой около пещеры, где родился Иисус, стоял не только для того, чтобы зримо обозначить присутствие османской власти, но и для предотвращения конфликтов между представителями разных христианских верований. Также автор с тревогой сообщал читателю, что католическая и протестантская пропаганда в Палестине с годами становится все более интенсивной, в результате чего в сети латинских «ловцов человеков» попало немало местных арабов, которые до этого исповедовали православие.

Из внешних условий, с которыми сталкивались русские православные поклонники, приехавшие в Восточное Средиземноморье летом (в частности, в июне), наибольшее впечатление производит иссушающая жара. Упоминания о ней не очень часто встречаются на страницах дневника, но о зное сказано даже тогда, когда паломники рано утром отправлялись из Иерусалима в очередную поездку. При этом нужно учесть и то, что в подобных экстремальных условиях приходилось не сидеть на месте, а постоянно передвигаться, иногда карабкаясь по горам.

Еще одно испытание, которое ожидало любого паломника из России в Святой Земле – существенное изменение ассортимента питания. С одной стороны, в рационе паломников появлялось большое количество таких даров природы, которые они на родине либо употребляли не очень часто, либо знали понаслышке. Автор дневника перечисляет среди них оливки, виноград, лимоны, апельсины, виноград, финики, персики, абрикосы, бананы. С другой стороны, во время официальных приемов им подавали по большей части только кофе и особое угощение, называвшееся глико – варение с водой. Эта скудная трапеза резко контрастировала

с обильными угощениями, устраивавшимися по торжественным случаям в среде российского духовенства.

Для русских, отправлявшихся в Палестину и в абсолютном своем большинстве являвшихся сугубо сухопутными людьми, большим испытанием становился довольно длительный переход по морю из Одессы в Яффу.

Автор дневника, будучи на борту судна, находился во вполне комфортных условиях, занимая каюту 2-го класса. Большинство же паломников – так называемые «палубники» во время путешествия помещались под открытым небом, а в непогоду вынуждены были укрываться в душном и дурно пахнущем трюме. Качка, без которой не обходится ни одно длительное морское путешествие, вызывала у паломников в лучшем случае (как у автора) страх, в худшем – морскую болезнь в самых тяжелых ее проявлениях. Также Е.А. Мерцалов ярко описывает приключения, которые пришлось испытать ему вместе со спутниками при переправе на лодке с корабля на берег при очень свежем ветре.

В русской литературе, в том числе в мемуаристике, сотню и более лет назад общим местом стали сетования по поводу скверных порядков на железных дорогах. Для этого достаточно вспомнить хотя бы хрестоматийно известный рассказ А.П. Чехова «Жалобная книга». Такой же негатив и по тому же поводу встречается в дневнике о. Евгения, причем сравнение железной дороги от Яффы до Иерусалима с отечественными «чугунками» оказалось в пользу последних. У автора сложилось стойкое впечатление, что российские вагоны 3-го и даже 4-го класса не хуже, чем ближневосточные 2-го класса.

Только отрицательные эмоции вызвал у Е.А. Мерцалова и его спутников «агрессивный маркетинг», характерный для Востока. Торговцы в Константинополе и Палестине крайне навязчиво предлагали свой товар, который русским иногда просто не был нужен. В Константинополе автор дважды сталкивался с навязчивым предложением экскурсионных услуг, один раз предлагал провести паломников по местным достопримечательностям турок, в другой раз еврей. Причем оказалось, что эти гиды были профессионально некомпетентными и не очень хорошо знали город.

Глубокое возмущение русских паломников порождало постоянное требование «бакшиша» местным населением за самые пустяковые услуги, вне зависимости от того, нужны они или нет. Самым распространенным словом, которое паломники слышали от турок и арабов, было «бакшиш» (по-русски – «на чай»). Правда, следует признать, что тот же «бакшиш» порой открывал двери, которые в противном случае оказались бы закрыты для православных поклонников.

Подводя итог, следует, однако, признать, что при наличии немалого количества отрицательных впечатлений от поездки в Святую Землю, положительные все же перевешивали их. Несмотря на то, что в дневнике Е.А. Мерцалова отсутствует окончание, из общего настроения его автора следует, что совершенное им паломничество оставило в нем немалый позитивный духовный заряд на те два десятилетия, которые были отпущены ему для земной жизни.

*К.Е. Балдин, доктор исторических наук, профессор
(Ивановский государственный университет)*

Предисловие

Мысль посетить Святую Землю, где жил и страдал за нас Господь наш Иисус Христос, помолиться у живоносного Гроба Христова, – мысль эта давно занимала меня; но Господь долгое время не благословлял привести ее в исполнение: то недостаток времени и денег, то недостаток мужества и энергии мешали тому. Назначенный случайно в северный край России и на духовно-учебную службу, я делал, что мог, удовлетворяя своему религиозному чувству – был на Валааме и Соловках, посетил не однажды Киев с его святынями. Наступило наконец и время, благоприятное для осуществления заветной мысли – для путешествия во Св. Землю, и настало сверх всякого ожидания. В нынешнем году летние каникулы, по случаю капитального ремонта семинарских зданий, предполагались продолжительные, накопилось и с сотню свободных денег, а тут пред Пасхой в хронике одного из номеров газеты «Свет» пришлось прочитать такого рода сообщение: «Министерством народного просвещения разрешена поездка учеников Казанской 1-й гимназии в Палестину, Египет, Грецию и т. п. Поездка во время каникул предполагается в сопровождении преподавателя гимназии г. Горталова, члена Палестинского Общества. Ученики посетят, между прочим, Константинополь. Афины, Каир, Александрию и Иерусалим; расходы по поездке определены не более 100 руб. на собственный счет каждого ученика». Это сообщение как нельзя лучше отвечало моему заветному желанию посетить Святую Землю; оно подогревало его и закрепляло. Под влиянием этого газетного сообщения у меня даже созрела решимость совершить путешествие в нынешнем же году и, если возможно, вместе с казанскими гимназистами. Правда гимназисты, судя по газетному сообщению, предпочитали скорее научную экскурсию на восток, чем паломничество в строгом смысле этого слова, но это, по моему убеждению, нисколько не могло помешать моему собственному паломничеству.

Между тем, предпринимаемое в сообществе с г. Горталовым, оно могло многое обещать моей ученой любознательности. Я решил писать г. Горталову, решился заявить ему о своем желании путешествовать вместе с ним и спросить о времени отъезда из Казани и возвращении из-за границы. Но только что отправлено было письмо, как в полученном номере той же газеты «Свет», в хронике, пришлось прочитать следующее сообщение по интересовавшим меня вопросам. «В мае, – печаталось там, – предполагается поездка учеников Казанской гимназии в Турцию, Палестину и Египет. Участники в числе 20 человек посетят: Константинополь, Афины, Александрию, Каир и Палестину. В Константинополе и Каире предполагается пробыть по одной неделе, в Иерусалиме и его окрестностях – две недели. Все путешествие продолжится с 18 мая по 20-е июля». Итак, относительно времени путешествия я мог быть спокоен вполне, – продолжительные летние каникулы не только позволяли совершенно свободно совершить поездку совместно с гимназистами, но и давали полную возможность хорошенько отдохнуть от утомительного путешествия. Вскоре было получено и благоприятное известие от г. Горталова. Выражая удовольствие по поводу изъясненного мною желания путешествовать с ним совместно (быть «сопутником» его, как сказано в письме), г. Горталов сомневался, однако, в возможности для меня начать путешествие одновременно с ним (вероятно, он предполагал, что у нас каникулы начнутся не ранее июня), но в то же время сообщал, что если я выеду из Одессы 4 или 6 июня, то во всяком случае настигну их в Смирне, так как, выехав из Казани 21 или 22 мая, а из Одессы 30, они сначала поедут чрез Константинополь в Афины, а уже оттуда чрез Смирну в Палестину. Таким образом, нагнав их в Смирне, я мог путешествовать с ними до Палестины, по Палестине и Египту до Пирея; здесь я мог, по письму, расстаться с ними, чтобы посетить Афины, где они уже были, и заехать затем на Афон; а они, пробыв 4 дня в Константинополе, придут в Одессу 18 июля. – Вместе с этим письмом г. Горталовым предупредительно присланы были две брошюры, крайне необходимые для предпринимающего путешествие по св.

местам Палестины и Востока, это 1) «Наставление православному паломнику», где кратко (по пунктам) изложено, какие документы требуются для отправляющегося во Св. Землю, как и где берется заграничный (паломнический) паспорт, как совершается самое путешествие в Иерусалим и обратно, и 2) «Поездка в Иерусалим»¹ П.П. Свецкого, члена Императорского Православного Палестинского Общества, где подробно излагаются сведения, необходимые для русского паломника, едущего в Иерусалим или на Афон, – из этих двух брошюр – в первой г. Горталовым любезно отмечено было карандашом, что заграничный паспорт, взятый у местного губернатора, стоит 10 рублей, а взятый в Одессе у г. градоначальника обходится только в 3 рубля. Итак, ехать в Палестину и другие святые места Востока теперь, по-видимому, мне уже ничто не мешало, – оставалось только испросить благословения своего любвеобильного Владыки на предпринимаемое путешествие, так как благословение это имело для меня весьма важное значение: благословит Владыка, думал я, стало быть и Господь благословляет, а не благословит, стало быть и воли Божией нет на это мое путешествие, хотя бы и все внешние обстоятельства вполне благоприятствовали тому. И я отправился ко Владыке. Владыка, по своему обычаю, приветливо встретил меня и внимательно выслушал. Он сам в бытность законоучителем гимназии совершил паломничество во Святую Землю, а потому на опыте, так сказать, знал, что это за путешествие и какое оно имеет важное значение для лица духовного. Великую пользу от предпринимаемого паломничества Владыка предвидел и для меня, а потому, расспросив о денежных средствах и времени отъезда и призвав Божие благословение на осуществление моего благого намерения, он проникновенно сказал: «это путешествие будет иметь на вас самое благотворное влияние». Затем, отпуская от себя, любвеобильный владыка просил перед отъездом снова зайти к нему проститься и получить некоторые советы и указания, которые могли мне очень пригодиться во время продолжительного и нелегкого путешествия; в то же время он обещал написать в Петербург к одному из главных членов Палестинского Общества, прося его дать мне нужные и полезные сведения. Радостный и довольный, оставил я Владыку, мысленно благодаря Господа Бога, видимо благословлявшего меня осуществить заветную мысль, и Владыку за его сочувствие и отеческую заботливость обставить самое путешествие мое возможным спокойствием и удобствами. Радостно стал собираться я в дорогу, рассчитывая числа 18 мая выехать из Петрозаводска в Петербург взять паломническую книжку, 22 на несколько часов заехать на родину к матери и 27 быть в Одессе, чтобы затем 30 начать путешествие вместе с г. Горталовым. Радостное настроение, однако, продолжалось недолго. Прежде всего, меня немного неприятно поразило следующее новое известие газеты «Свет» относительно экскурсии казанских гимназистов. «В экскурсии, – писалось там, – выразило желание принять участие 20 учеников и 15 человек посторонних, в том числе доктор медицины, приват-доцент Московского университета В.К. Недзвецкий, один земский врач (Симбирской губернии), фельдшер, учитель (из Петербургской губернии) и др.!» Вот это-то участие в экскурсии гимназистов пятнадцати посторонних лиц, врачей, фельдшера и под., которых, как мне казалось, скорее, влекла одна любознательность, чем религиозная потребность, и не нравилось мне: их сообщество, при известном настроении, могло внести не совсем желательные явления в мое собственное паломничество, могло доставлять внутреннюю скорбь там, где ее вовсе не могло бы быть при другом сообществе. Затем стали появляться известия о чуме в Александрии. Правда, телеграф сообщал, что было преимущественно только четыре заболевания и что заболевания эти не эпидемического характера, но все-таки известия о чуме не могли не беспокоить меня. Во-первых, могла не состояться экскурсия гимназистов, так как начальство гимназическое, всегда чутко относящееся к насущным интересам и потребностям своих питомцев, могло совсем отменить предпринимаемую ими заграничную поездку ввиду неблагоприятных слухов из Александрии, и, второе, главное – усилится чума, и самое путешествие в Палестину будет сопряжено с непри-

¹ «Наставление» высылается или выдается бесплатно, а книжка г. Свецкого стоит только 15 копеек.

яностями карантина и душевной тучей. Наконец, душевная скорбь шла иногда с той стороны, откуда менее всего можно было ожидать. Приходилось слышать иногда по своему адресу такие речи со стороны: «Зачем это он так много хочет тратить на себя (около 300 руб.)? Отослал бы дорожные деньги матери или родным; это лучше было бы поездки». Не правду ли говорят люди? – думалось мне тогда, – не последовать ли совету их?» – Но полученное вскоре письмо от матери, которой я писал о своей поездке, разрешило это недоумение. Мать извещала, что она очень рада, что я собрался ехать во Св. Землю, благословляет и только просит, ввиду ее старости и дальности путешествия, заехать проститься. «Не меньше радуются моей поездке и родные», – подумал я, прочитав письмо матери и перестал думать о слышанных мной речах. Очень скоро перестали смущать меня и известия о чумных заболеваниях в Александрии, так как я узнал, что Палестинское Общество немедленно прекращает выдачу паломнических книжек, как скоро появляется чумная или холерная эпидемия на Востоке, будет ли то в Александрии или в другом каком месте, и самое паломничество тогда во Св. Землю прекращается. – Я писал г. Горталову, что еду вместе с ним и к 30 буду в Одессе, в полной надежде, что если экскурсия гимназистов не состоится (будет отменена), то он не замедлит известить меня, а сам продолжал деятельно собираться в дорогу: побывал у людей, путешествовавших в Палестину, а такие есть в г. Петрозаводске, достал нужную сумму денег и притом такую, чтобы от Одессы до Яффы можно было совершить переезд на пароходе во 2-м классе без продовольствия (без продовольствия потому, что плата за продовольствие показалась мне слишком велика – не менее 2 руб. 40 коп. в сутки, а я надеялся продовольствоваться дешевле)², и выправил нужные документы: а) вид на жительство в России или увольнительный билет от своего непосредственного начальства и б) свидетельство местной полиции о беспрепятственности выезда за границу, которое выдал мне наш г. полицмейстер (оба эти документа, по словам «Наставления православному русскому паломнику», крайне необходимы для каждого, отправляющегося во Святую Землю или на Афон, так как без них трудно и даже невозможно получить в Одессе заграничного паломнического паспорта). Правда, мне как духовному лицу, хотя и состоящему на духовно-училищной службе, необходимо было иметь еще увольнительное свидетельство за границу и от своего епархиального начальства (об этом как следует узнал я после); но так как «Наставление паломнику» совсем не упоминало о том, то я и не стал беспокоить епархиальное начальство просьбой о выдаче подобного свидетельства, тем более, что перед отъездом имел получить от Владыки особый документ на право беспрепятственного совершения священнослужения в св. местах, а в этом документе обычно прописывается, что известное духовное лицо своим епархиальным Владыкою уволено за границу на известный срок³.

18 мая было уже близко. 16 Владыка собирался уезжать по обозрению епархии, а потому 15 я и явился к нему принять напутственное благословение. Мне навсегда останется памятным тот полный благожелания, истинно отеческий прием, который нашел я у Владыки. Осведомившись о найденных денежных средствах, которыми я мог теперь свободно располагать в пути, и о местах предполагаемых остановок за границей, он начал давать ценные, дорогие для меня советы и наставления относительно того, где непременно нужно остановиться, у кого побывать, чего остерегаться и чем запастись; и в то же время сообщал собственные свои впечатления, вынесенные им в свое время из поездки в Палестину. Много говорил владыка о маститом столетнем, здравствовавшем еще Блаженнейшем Патриархе Александрийском Афанасии (на самом деле – Софроний – К.Б.), о свежести его сил и величественности, о внимании к нему, тогда паломнику законоучителю (Патриарх предложил за литургией в установленное время прочитать символ веры на славянском языке); говорил немало и о некоторых членах Иеруса-

² В 3-м классе мне никто не советовал; слишком беспокойно и неудобно, говорили.

³ Свидетельство местного Архиепископа на право совершения священнослужения во св. местах востока крайне необходимо иметь паломнику – иерею или диакону, отправляющемуся в Палестину, иначе он рискует остаться вовсе без священнослужения или участия в нем за все время своего пребывания за границей, а это крайне тяжело для лица священного.

лимской Миссии (русской), из которых один продолжал служить и в настоящее время. Но этого мало. Владыка собственноручно при мне написал письмо одному из старейших петербургских протоиереев, бывшему в Палестине и немало писавшему о ней, прося и его снабдить меня необходимыми и полезными указаниями, и письмо это вручил мне для передачи. Растроганный до глубины души, вышел я от Владыки, напутствованный его святительскими благожеланиями, незаметно пробыв у него часа полтора. Ни чума в Александрии, ни трудности далекого пути, ничто уже теперь не смущало меня. В отеческом напутствии Владыки я видел волю Божию, видел, что Господь благоустраивает мой путь, и верил, что Он поможет мне и благополучно совершить его. Итак, с Господом в путь!

20 мая. В Петербург прибыли в девятом часу утра. Долго задерживаться здесь не приходилось, а потому наскоро собравшись, прямо же с парохода отправился я в Палестинское Общество, чтобы представиться одному из его членов и кстати приобрести паломническую книжку. По пути заходил в Казанский собор помолиться перед чудотворной иконой Божией Матери и приложиться к ней. Зашел было и к о. протоиерею, на имя которого у меня было письмо; но его не оказалось дома: по словам прислуги, о. протоиерей рано утром уехал куда-то со св. иконою в окрестности Петербурга и возвратится не ранее 6 или 7 часов вечера. Что было делать? Видеть о. протоиерея было нужно; крайне желалось побеседовать с ним о Палестине и путешествии туда; но в то же время и ожидать его возвращения было нельзя – нужно было выехать из Петербурга не позже 3¹ часов дня, иначе могла произойти неприятная задержка в Москве, которая, в свою очередь, могла повлечь за собой несвоевременный приезд в Одессу. В раздумье пошел я отсюда в Палестинское Общество. Свидание с одним из его членов, которому писали обо мне, поддерживало бодрость духа и умеряло неприятные неудачи у о. протоиерея. Но в Палестинском Обществе ожидало меня подобное же испытание. В канцелярии сообщили, что спрошенного мною лица совсем нет в Петербурге и скоро не будет. А так как мне нужно было разрешить здесь некоторые недоумения и навести справки, то говоривший со мною любезно предложил собственные услуги. Сначала спросил я о документах: достаточно ли их со мною, чтобы беспрепятственно получить в Одессе заграничный паспорт. Тот пересмотрел документы и сказал, что вполне достаточно. «Правда, – оговорился он, – вам следовало бы иметь увольнительное свидетельство за границу и от епархиального начальства; но у вас есть вот свидетельство местного Владыки (при этом он указал на свидетельство, выданное мне на право беспрепятственного совершения священнослужения за границей), где упоминается, между прочим, что вы уволены им за границу, – его (это свидетельство) и приложите, когда будете подавать Одесскому градоначальнику прошение о выдаче заграничного паспорта, только не забудьте оговориться, чтобы свидетельство это возвратили вам при выдаче заграничного паспорта, иначе (без него) вам не позволят священнодействовать ни в Иерусалиме, ни в его окрестностях и не в греческих только церквах, но и в русских». У меня напрашивался было вопрос, слушая эти слова, почему же о таком нужном документе, как увольнительное свидетельство *за границу* от местного епархиального начальства вовсе не упоминается в «Наставлении паломнику», когда там говорится о духовных лицах; но так как это во-первых была только неточность, мелочь, а в отношении ко мне исключительный случай, и во-вторых к делу мало относилось, а между тем были более серьезные недоумения и вопросы, то я и перевел речь на паломническую книжку. Книжки этой до поездки в Палестину мне вовсе не приходилось видеть и я, понятно, совсем не представлял, как по ней совершают путешествие по железным дорогам. Мне, например, необходимо было заехать среди пути на родину, а я не знал, можно ли это сделать, имея книжку, и если можно, то как. Последнее свое недоумение я сообщил слушающему. Тот объяснил, что паломническая книжка состоит из отрывных купонов, по которым на известных пунктах берутся паломниками обычные билеты, с которыми они и совершают путь на общих основаниях. А так как мне нужна была так называемая «смешанная» паломническая книжка (до Одессы по железной дороге в 3 классе и от Одессы на пароходе во 2-м

без продовольствия), и в Москве, равно как и в Киеве, задерживаться я не намерен был, то говоривший со мною и не советовал мне брать паломническую книжку в Петербурге: «пользы и экономии, – сказал он, – от нее не будет, а беспокойство может быть. – По паломнической книжке, – пояснил он, – до Одессы вам придется брать билет 4 раза: здесь, т. е. в Петербурге, в Москве, Курске и Киеве, – а это во всяком случае сопряжено с беспокойством; между тем, без книжки вы можете взять билет здесь только однажды – прямо до Одессы и в этом последнем случае даже выгадаете несколько в плате за проезд, правда очень мало, но все-таки выгадаете». – «Тогда зачем же существуют паломнические книжки?» – невольно спросил я. Он объяснил и это. – «Паломнические книжки, – сказал он, – существуют и очень полезны для тех паломников, которые по пути останавливаются в Москве и Киеве; но они важны, нужны и для всех вообще *бедных* паломников, совершающих путешествие во Святую Землю в 3-м классе, обеспечивая этим последним их возвратный путь. Обитатели Иерусалима, как быть может и вам известно, любят очень деньги и всячески стараются выманить их у паломников. Отсюда нередко бывают случаи, когда бедные простосердечные паломники истрачивали там до отъезда все свои путевые деньги и возвратиться на родину им было уже не с чем; при паломнической же книжке последнего случиться не может». Выслушав это, я стал настаивать на необходимости паломнической книжки и для себя, в тех видах, чтобы и себе обеспечить ею возвратный проезд. «Если так, – сказал мне служащий, – то самое лучшее сделать вам это в Киеве; так, кстати, не мешало бы вам побывать и у хорошо известного мне протоиерея (он назвал фамилию его), который не раз путешествовал по Палестине; наверное, он сообщит вам много полезного». Я с благодарностью обещал поступить именно так, как мне советовали, т. е. взять книжку в Киеве и непременно побывать у о. протоиерея, и продолжил вопрос о гимназистах: состоится ли их заграничная поездка ввиду неблагоприятных слухов из Александрии? Оказалось, что в канцелярии Общества по этому вопросу не знали ничего. Служащему известно было только то, что и мне, т. е. что только печаталось в газетах. Он, однако, нашел возможным высказать и свое мнение на этот счет и высказал мнение отрицательного свойства ввиду чумных заболеваний; но в то же время он уверял, что для паломников, едущих в Св. Землю, серьезного или опасного в этих заболеваниях ничего нет, так как во-первых заболевания эти, как известно, не эпидемического характера, единичны, а во-вторых Палестинское Общество всячески хлопочет, чтобы пароходы Русского Общества с палестинскими паломниками нигде на пути не подвергались карантину. Больше спрашивать было нечего. Поблагодарив за разъяснения и указания и купив на дорогу книжку В.Н. Хитрово «К животворящему Гробу Господню»⁴, а также (по предложению говорившего) и три чтения о Святой Земле того же автора, я вышел из канцелярии и отправился на пароход, чтобы перевезти свои вещи на железнодорожный вокзал. – Из поездов Николаевской железной дороги с вагонами 3-го класса, следующих в Москву, только почтовый, отходящий в 3 часа дня, и добавочный к нему, отходящий через полчаса, бывают в пути 17 часов (остальные не менее 22-х) и приходят в Москву к началу делового утра (в 9 и 9^ч по московскому времени). Отсюда поезда эти всегда бывают полны пассажиров и особенно первый. Сколько ни пытался я в разное время попасть в этот последний поезд, это мне не удавалось, хотя я иногда являлся в вокзал за час или за полтора до его отхода: места всегда бывали все разобраны, и приходилось ехать с добавочным. То же случилось и теперь. Несмотря на то, что я прибыл на вокзал за ½ часа до отхода почтового поезда, свободных мест в нем уже не было; не было свободных спальных мест и в добавочном, – приходилось тесниться в общем вагоне. Но я торопился, а потому и обращать внимание на тесноту не приходилось. В 3½ часа дня поезд быстро понес нас по направлению к Москве. Вагон был полон. Одни из

⁴ Эту книжку я когда-то случайно видел в одной сельской библиотеке, и она мне очень понравилась, помню, тем, что при простоте и занимательности изложения содержит возможно полные сведения о достопримечательных местах и святынях Палестины.

пассажиры читали газеты, другие разговаривали или смотрели в окно, а иные просто сидели задумавшись. Хотел было я сосредоточиться, дать себе отчет в событиях дня, но ничего как-то не выходило: мысли не вязались, перескакивали с предмета на предмет. То выплывал вопрос, поедут ли гимназисты, и я думал, как бы повернее узнать об этом в Москве; то припоминался разговор о паломнической книжке, и я пытался уяснить, не лучше ли было взять эту книжку в Петербурге, или ставил вдруг такой вопрос: зачем это от Петербурга до Одессы приходится брать билет (по паломнической книжке) четыре раза, а не три? Почему бы не прямо брать от Москвы до Киева? и подобные. Говорить с своим соседом не чувствовал расположения да и вряд ли было о чем; в окно смотреть тоже долго не приходилось – слишком однообразен вид: лес и лес, иногда разве болото, покрытое водою. Я достал чтения о Св. Земле В.Н. Хитрово и стал читать первое из них – «Путь до Иерусалима». «Чтение» оказалось прекрасным, чрезвычайно интересным и общедоступно изложенным к тому же. Задавшись целью наглядно изобразить пред образованным обществом, как чувствует себя и ведет русский паломник за все время неблизкого пути до Иерусалима, высокопросвещенный автор предварительно решает очень важный в паломничестве вопрос, – устанавливает «те внутренние побудительные причины, которые влекут русских паломников к паломничеству». В самом деле, что заставляет русского человека паломничать, предпринимать далекие и трудные путешествия для богомолья?... Помню, и меня когда-то, очень давно, нечто подобное спрашивал один вдумчивый юноша. В славной обители преподобного Сергия постоянно почти можно видеть массу разнообразных богомольцев, которые приходят сюда из разных концов необъятной России. Как-то однажды, смотря на этудвигающуюся туда и сюда по обители толпу богомольцев, юноша задал мне вопрос: зачем это люди ходят сюда из далеких окраин? Молились бы дома у себя, – не все ли равно? Я сказал ему тогда, что он, заметно, не знает склада и потребностей религиозного человека, каким и есть в большинстве случаев русский человек. Религиозный человек хотя и живет в мире обычную жизнью, несет мирские заботы и хлопоты, но не считает этой жизни, как она есть, жизнью настоящею, а потому и не лежит к ней душа его. Настоящая жизнь с ее суетою и неправдою гнетет, стесняет дух его, производит в нем разлад. И когда разлад этот, разлад духа с жизнью, становится слишком велик и тяжел, религиозный человек покидает, улучив благоприятное время, обычные свои дела и занятия и идет в места, где живут свято, по-Божьи, живут в Боге и для Бога, и где Бог ближе к людям, идет туда, чтобы подышать святою жизнью, вдохнуть ее в себя. И он идет в *святые*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.